

ПРАКТИЧНІ ПРОБЛЕМИ
ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Галина ПЯТАКОВА

© 2002

М.Д.ЧУЛКОВ И Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ:
ДИАЛОГ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Романы, темы, образы, созданные Ф.М.Достоевским, вошедшие в сокровищницу мировой литературы, неповторимы. Однако своеобразие творчества, его неповторимость нужно рассматривать во взаимосвязи с творчеством писателей иных эпох.» Свообразие художников слова вовсе не означает, что между ними не существует внутренних связей, что в их произведениях не проявляются общие начала и тенденции. Эти общие начала и тенденции не только существуют, они играют важную роль в литературном процессе, представляя в разных формах» [10, 258], – считал М.Б.Храпченко. Согласимся с этой мыслью и будем рассматривать влияние творчества М.Чулкова на произведения Ф.Достоевского как неизбежное в литературном процессе, как диалог сквозь столетия. Сопоставление творчества М.Чулкова и Ф.Достоевского – писателей разных эпох, творивших в условиях разных литературных систем возможно, если учесть, что Чулков стоял у истоков русского романа, а произведения Достоевского явились образцом мирового психологического романа. М.Д.Чулков, по словам В.Сиповского, “создал литературную школу в бытовом романе и первый в России дал удачные опыты того субъективного художественного бытового романа, который в конечном своем развитии, привел к творчеству Гоголя, Гончарова, отчасти Достоевского” [8, 915]. Возможно, что произведения М.Чулкова, отдаленные во времени, раритетные в XIX веке, не могли быть известны Ф.Достоевскому. Поэтому, сопоставляя романы Чулкова и Достоевского, написанные в разные эпохи и, отражающие в рамках поэтик неодинаковое видение реальности, различные по своей сущности (хотя внешне и аналогичные) конфликты, разные идеи, можно говорить лишь об использовании одного и того же мотива, образа, сюжетного хода.

Анализируя наследие Ф.Достоевского, В.Келдыш отмечает, что писатель сумел отобразить время “в раздирающих противоречиях, чрезвычайном драматизме жизненных ситуаций, в иступлении страстей [7, 77]”. Образ времени присутствует и на страницах “Пересмешника” М.Чулкова, который называют источником по русской истории последней трети XVIII века, так как здесь писатель исследует социальные процессы русской действительности” [2,19]. Подшучивание писателя над героями, их бытом не помешало современным исследователям увидеть в романе реальное время: с одной стороны, время роскоши вельмож, погрязших в разврате, а с другой время “расчесанных деревень”, раздираемых “съедугами”.

В повести «Горькая участь» М.Чулков создал «образ мертвого дома», где в одночасье погибла вся семья. Трагизм усиливается еще и тем, что именно в этот момент приезжает

домой списанный из армии по инвалидности старший сын и видит жуткую картину: «перед крыльцом висел баран, до половины освежеванный, подле которого на перилах у спуску крыльечного лежал окровавленный нож; посередине двора висел в петле, прицепленной к перекладу, удушенный хозяин; изба была отворена, в которой на полу разбросаны были дрова, немного обгорелые; посредине полу лежала хозяйка, голова у которой прорублена была топором, который лежал подле ее окровавленный; за занавеской в повешенной колыбели лежала зарезанная по горлу девочка месяцев трех, спеленная, а подле ее окровавленный нож; в печи нашли мальчика лет четырех мертвого, у коего волосы на голове все сожгли и местами от жару истрескалось тело; в переднем углу на лавке лежала хорошая одежда хозяинова, а на столе праздничная хозяйкина, принесенная из клетки, как то обыкновенно у крестьян бывает» [11, 148].

Эпизоды «Горькой участи» заставляют вспомнить страницы романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», целые главы из «Записок из Мертвого дома», где писатель продолжает развивать тему преступления и наказания. Из Мертвого дома можно увидеть лишь «краешек неба да высокий земляной вал, поросший бурьяном, а взад и вперед по валу день и ночь разгуливают часовые...Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий: тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и зажило Мертвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» [5, 10]. Достоевский изучает психологию этих людей, чаще всего совершивших первое преступление нечаянно, убив своего притеснителя, а потом уже «режет первого встречного и поперечного, режет для потехи, за грубое слово, за взгляд...» [5, 496]. Мертвый дом у Ф.Достоевского – это своеобразная метафора. Здесь обитают живые люди, но уже не раз преступившие через смерть. Но их образы чище и выше образов палачей, нарисованных в «Записках».

На страницах этого произведения перед нами страдающие каторжники, убийцами, палачами предстают жандармы Жеребятников и Смекалов. Описывая преступления осужденных, писатель не показывает кровавых сцен. Их нет. Предметом исследования на страницах произведения становится психология людей, прошедших через наказание шпицрутенами, порой дважды, а то и трижды (наказание проводили в несколько приемов, чтобы не убить заключенного сразу)» [6, 189-202].

Терентьев – герой романа Ф.Достоевского «Идиот», рассказывая о генерале, посещавшем остроги, сообщает: «какой-нибудь из «несчастных», убивший каких-нибудь двенадцать душ, заколовший шесть штук детей, единственно для своего удовольствия (такие, говорят, бывали)» [6, т.7, с 91]. Они относят нас к типам «несчастных», созданных Ф.Достоевским в «Записках из Мертвого дома».

Ф.М.Достоевский последовательно развивает тему преступления и наказания, поднятую М.Чулковым в «Горькой участи», «Дьяволе и отчаянном любовнике», «Скупом и воре», «Сказке о рождении тафтяной мушки», как одну из самых актуальных в современном обществе. В тексте романа «Идиот» писатель упоминает о двух преступлениях, ставших «знамением» времени, – об убийстве восемнадцатилетним гимназистом В.Горским в Тамбове с целью ограбления дома купца Жемарина, где он давал уроки одиннадцатилетнему сыну, шести человек (жены Жемарина, его матери, сына, родственницы, дворника, кухарки)» [6, 353]. «В этом преступлении Достоевского особенно потряс ряд подробностей : Горский был охарактеризован учителем как умный юноша, любивший чтение и литературные занятия ; задумав преступление, он заблаговременно достал не совсем исправный пистолет и починил его у слесаря, а также по специально сделанному рисунку заказал у кузнеца нечто вроде кистеня, объяснив, что подобный инструмент необходим ему для гимнастики» [6, 353], – пишет И.Битюгова в примечаниях к роману «Идиот».

Второе преступление – убийство и ограбление студентом Московского университета А.Даниловым ростовщика Попова и его служанки поразило Ф.Достоевского и современников некоторым сходством с ситуацией, описанной в «Преступлении и наказании» (были уже опубликованы начальные главы) и обстоятельствами убийства, совершенного образованным преступником» [6, 353].

Тема престоупления и наказания проходит и через роман «Братья Карамазовы». Ф.Достоевский был шокирован жестоким обращением с детьми в русском обществе. Ему были хорошо известны дело С.Кронеберга, по поводу которого он выступил в «Дневнике писателя» за 1876 г., и дело Брунст, где обвинялись родители, избивающие своих малолетних дочерей» [4, т.11, 613].

На страницах «Братьев Карамазовых» перед читателем возникает образ убийцы: «Я знал одного разбойника в остроге : ему случалось в свою карьеру, избивая целые семейства в домах, в которые забирался по ночам для грабежа, зарезать заодно и несколько детей» [4, т. 11, 280]. Постепенно автор переходит к картинам массового убийства в Болгарии: «Эти турки, между прочим, с сладострастием мучили и детей, начиная с вырезания их кинжалом из чрева матери, до бросания вверх грудных младенцев и подхватывания их на штык в глазах матерей... Представь: грудной младенец на руках трепещущей матери, кругом вошедшие турки... В одну минуту турок наводит на него пистолет в четырех вершках расстояния от его лица. Мальчик радостно хохочет. Тянется ручонками, чтоб схватить пистолет, и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему головку» [4, т.11, 280-281].

После этих кровавых сцен Достоевский приводит и «родные штучки, получше турецких». Он описывает побои детей розгами и плетью. «И вот интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами... Папенька рад, что прутья с сучками, «садче будет», говорит он, и вот начинает «сажать» родную дочь... Секут минутку, секут, наконец, пять минут... Ребенок кричит, ребенок, наконец, не может кричать. Задыхается...» [4, т. 11, 284]. «Девчоночку маленькую, пятилетнюю, возненавидели отец и мать», – читаем дальше у Достоевского. – «Они били, секли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все ее тело в синяки; наконец, дошли до высшей утонченности : в холод, в мороз запирали ее на ночь в отхожее место» [4, Т.11, 284].

Картина всех страданий детей была бы неполной, если бы писатель не привел рассказ о ребенке, затравленном насмерть собаками: «Гони его!» – командует генерал. «Беги, беги!» – кричат ему псы, мальчик бежит... «Агу его!» – вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки» [4, т.11, 286].

На страницах «Пересмешника» и «Пригожей поварихи» М.Чулков вывел образ падшей женщины, ставшей на путь разврата, прежде всего из-за социальных причин. Черты сходства, единения творчества Чулкова и Достоевского можно объяснить и общностью той исторической роли, которую они сыграли в развитии литературы своего времени. Преодолевая каноны классицизма, М.Чулков создал реально-бытовой роман «Пригожую повариху». Ф.Достоевский тоже прошел путь «от повести к роману», стремясь создать социально-психологический роман, о чем свидетельствуют «Бедные люди» [9, 416]. Свое новое произведение «Двойник» Ф.Достоевский «в письмах и в печати в 40-е годы ни разу не назвал ни романом, ни повестью» [9, 417]. Произведение вышло с подзаголовком «Похождения господина Голядкина».

Особенно близка и по романной форме, и по содержанию «Неточке Незвановой» Ф.Достоевского «Пригожая повариха» М. Чулкова. Оба произведения представляют воспоминания женщины. «Неточку Незванову» сначала как повесть, а потом как роман Ф.Достоевский опубликовал с подзаголовком «История одной женщины». Уже в самом названии М.Чулков указывал, что речь пойдет о «похождениях развратной женщины». Оба произведения близки мемуарному роману – записки Неточки, воспоминания Мартоны, которые носят исповедальный характер. В романах оба писателя последовательно излагают историю женщины, каждая часть, каждый эпизод которой оформлены в новеллу с особым сюжетом, завязкой, кульминацией и развязкой. Оба романа не были закончены авторами. Поэтому в «Неточке Незвановой» нам известно три таких фрагмента – новеллы, в «Пригожей поварихе» их шесть.

Используя достижения М.Чулкова, А.Пушкина, И.Тургенева, сумевших изобразить в своих романах драму женщины, Ф.Достоевский изображает драму женской души, “изобилующей психологическими конфликтами и сложными поворотами”, драму, “в которой участвует любовь, ревность, зависть, сознание различного социального происхождения, гордость, раскаяние и множество других разнообразных побуждений” [9, 425].

В тесной связи с изображением пороков социальной действительности на страницах романа «Идиот» Ф.М.Достоевского находит свое воплощение тема поруганной красоты. Женщина поразительной внешности Настасья Филипповна, воспитанная в богатом доме помещика Тоцкого, в юности стала его наложницей. Это и определило ее дальнейшую судьбу и трагедию. Безусловно, героиня намного выше всех тех, кто снисходительно или недоброжелательно судит о ней, кто превратил ее в объект бесстыдного торга. Достоевский в романе сумел соединить в героине ее духовные качества, прежде всего, человеческую гордость и благородство с огромной обидой, которая вызвана унижением ее человеческого достоинства, достоинства женщины. Своей сложной судьбой Настасья Филипповна близка образу Мартоны из «Пригожей поварихи» М.Чулкова.

Безусловно, в центре внимания Ф.М.Достоевского находились иные явления действительности, иные внутренние связи, прежде всего связи с писателями как русской, так и зарубежной литературы XIX века. В его произведениях, наконец, формировались от романа к роману и те неповторимые образы, которые впоследствии составят «мир Достоевского». Он в иную эпоху, в другой социальной среде открыл тему преступления и наказания и те жизненные ситуации, заставляющие опускаться на дно прекрасных женщин, родственные тем, которые были ранее воссозданы в «Пересмешнике» и «Пригожей поварихе» М.Чулкова.

Таким образом, сопоставляя прозаическое творчество обоих писателей, можно констатировать общность, которая выражается в переключке тем, мотивов, образов, в романах каждого из них. Приведенными параллелями мы пытались доказать, что в сложном сплетении образов и событий в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Братьях Карамазовых» есть нить, которая тянется из «Пересмешника» М.Чулкова через весь лабиринт романной стихии Ф.Достоевского. Этот диалог двух писателей, творчество которых разделено столетием, может услышать и современный читатель – читатель XXI века, что свидетельствует о литературной традиции, о «переключке» творчества двух романистов – Ф.М.Достоевского и М.Д. Чулкова, позволяющая говорить о литературной традиции, о воздействии литературы XVIII века на XIX.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
2. Бондарева Е.Л. Социально-экономические взгляды и просветительская деятельность М.Чулкова: К проблеме вклада демократической разноточной интеллигенции в культуру русского Просвещения: Автореф. дис...канд. истор. Наук. – М., 1983. – 26 с.
3. Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. – Л.: Наука, 1969. – 228 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. : В 12 т. – М.: Правда, 1982. – Т.11. – 624с. – Т.12. – 544с.
5. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Собр. соч. : В 12 т. – М.: Правда, 1982. – Т.3. – С.5-304.
6. Достоевский Ф.М. Идиот // Собр. соч. : В 12 т. – М.: Правда, 1982. – Т.6. – 367с. – Т.7. – 320с.
7. Келдыш В.А. Наследие Достоевского и русская мысль порубежной эпохи // Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX-начала XX в./ Рос. АН, Ин-т мировой лит. Им. А.М.Горького. – М.: наследие, 1982. – С.75-115.
8. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. – СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1910. – Т. 1. – Вып. 2. – 951 с.

9. Фридендер Н.М. Путь Достоевского от “Бедных людей” к романам 60-х годов // История русского романа. В 2 т.– М.–Л.: АН СССР, 1962.– Т.1.– С.416–431.
10. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы // Собр. соч.: В 4 т.– М.: Худ. лит., 1981.– Т. 3.– 431с.
11. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки // Русская проза XVIII века.– М.: Худ. лит., 1950.– С.89–157.

Ольга ПАПУША

© 2002

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КОСТОЧКА»: ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Повествование сообщает всегда меньше, чем оно знает, но оно часто даёт знать больше, чем сообщает.

Ж.Женетт. Повествовательный дискурс

Как известно, простые вещи – это вещи самые сложные. На самом деле их простота практически всегда – кажущаяся. Это некая видимость, *авидья*, заслоняющая истинную сущность вещей и природы. И только пристальный взгляд обнаруживает скрываемую сложность, интенциональную глубину и многомерность, а в конечном счёте – всю неоднозначность *простоты*. Этот факт представляется особенно значимым при изучении детской литературы, когда приходится опровергать навязчивые мнения (а, по сути, постулат традиционного литературоведения) о *простоте текстов*, вошедших в круг детского чтения.

Рассказы Льва Толстого, созданные в период педагогической деятельности в Ясной Поляне и вошедшие позже в «Азбуку», «Новую азбуку» и «Русские книги для чтения», воспринимались как *«сжатые, простые»* ещё современниками писателя, вызывая поначалу недоумение и споры литературных критиков и педагогов, но постепенно утвердившись как классический образец ориентации на особенности детского восприятия [Арзамасцева, Николаева 2000: 173-182]. Оставив в стороне вопрос о педагогических взглядах Л.Толстого и его учебных книгах для народных школ (ибо деятельность писателя на образовательном поприще принадлежит той системе координат, которая учитывает особенности мировоззрения Толстого и его аутический тип личности), обратимся к толстовским рассказам как *Ambivalents Texts*, по-разному открытым детскому и взрослому прочтению вследствие особой организации повествовательного уровня. Для анализа нами выбран рассказ «Косточка» [Толстой 1984: 90] по нескольким причинам:

Произведение состоит из 17 предложений, то есть оно оптимально кратко и удобно для нарративной аналитики¹ в пределах научной статьи.

Рассказ имеет авторское заглавие («Косточка») и жанровое определение (быль).

Среди персонажей есть и взрослые, и дети, лексика «Косточки» предельно проста, избылиуют повторы – на лицо как бы «детская» гармония текста.

¹ Для микроанализа толстовского нарратива нами использована методика Ж.Женетта [Женетт 1998: 60-277].